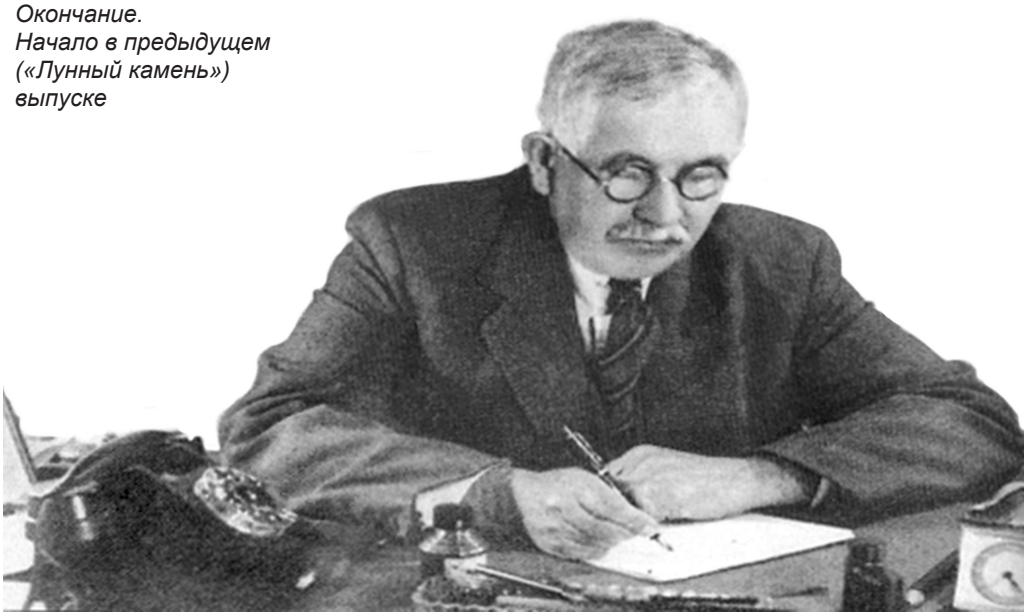
Окончание.
Начало в предыдущем («Лунный камень») выпуске



Писатель в своей варшавской квартире. 1938

Гаяз Исхаки

Он ещё не был женат

повесть

АННА ПОДОШЛА к Шамси. Но он не слышал её шагов. Она потрепала его по голове:

– Уснул? Вставай, обед готов!

Ему хотелось ещё понежиться, но она потянула его за руку и почти стащила с дивана.

– Поспеши, вон вода, – сказала она и ушла.

Шамси умылся холодной водой, сделал несколько быстрых движений, чтобы прогнать лень. Анна накрыла стол под рябиной, расставила на белой скатерти тарелки, разложила вилки, салфетки. Когда он присел, Анна сказала:

– Я решила кормить тебя здесь по-фински, – и подала на первое суп с солёными грибами. Добавила пирожки с грибами. Увидев, что он во второй раз собирается налить себе в тарелку супа, предупредила:

– Не спеши, будет ещё блюдо. Наешься и не сможешь попробовать. – Анна сходила на кухню за жареной фо-

релью с лимоном. – Вот рыба из этого озера. Я купила её, как только ты уснул. Рыбак как раз мимо проходил.

Шамси расправился с рыбой и потянулся за новой порцией.

– Стой, не наедайся, – снова сказала она и подала жареную баранину с картофелем, положив каждому в тарелку маленькие солёные огурчики. На десерт был кисель из тех самых ягод черники, которых так много было в лесу. Себе в кружку Шамси добавила густых сливок. Он счастливо улыбался, поедая кисель. Анна налила ему добавки.

После столь вкусного обеда окружающая природа показалась Шамси ещё краше. Он был не прочь полежать в гамаке, но Анна, дав финской девочке указание вымыть посуду, повела его на прогулку. Они прошли через погрузившийся в безмолвие лес, поднялись на огромные, с дом, гранитные глыбы и обозрели окрестность. В лесу, где деревья были редки, ели чернику, отчего губы их стали чёрными. Оказавшись на поляне, принялись гоняться друг за другом. Вышли к маленькому лесному озеру. Зажатое между берегами, оно казалось совсем чёрным. С больших деревьев со скрюченными стволами собирали рябину. Проходя мимо большого сада, купили малины и чёрной смородины. А также букет роз, который просили дополнить резедой и другими цветами. Гуляли долго, пока не устали и не проголодались. Домой пошли лесом мимо дач, которых из-за деревьев почти не было видно. Финская девочка вскипятила самовар. Анна приготовила стол на верхней террасе. Чай пили с вареньем из малины и вишни. Шамси удивлялся: и когда только успела!

Сверху озеро смотрелось как на ладони. Гладкое зеркало его, сохраняя покой, с обеих сторон отражало зелёную листву поросших по берегам деревьев, а потому казалось, что оно окружено каймой. Отражение большой белой дачи на другом конце озера было продолжением каймы. Солнце, появляясь то в одном окне дачи, то в другом, слепило глаза. Оно ярко горело красным пламенем и, повторяясь в воде, простирало над озером длинные красные лучи, которые удваивались и утраивались. Девушка в белом, сидящая в лодке, и медленно гребущий парень качались, будто сразу в двух лодках; стекающая с вёсел вода сверкала на солнце и рассыпалась искрами. Блеск воды тонул в великой тишине.

И плеск рыбёшек, играющих возле берега, оставляя расходящиеся круги, спинки которых посверкивали порой на солнце, как бы посылая ему приветы, – всё неизменно поглощалось тишиной.

Солнце наполовину спряталось за лес. Финская деревня, стоящая в сторонке, вдруг залучилась всеми своими глазами: окна домов вспыхнули красным золотом. И зелёные леса, которые до сих пор скромно молчали, вдруг занялись пожаром вместе с полянами. Весь мир, прятавшийся от глаз, вдруг распахнулся, живо подмигивая солнцу.

Но вот пролетел ветерок. Вслед за ним издали невнятно заговорил гром. Деревья вокруг склонили голову, прощаясь с уходящим солнцем. Озеро покрылось рябью, маленькие волны побежали к дальнему берегу, догоняя друг друга. Тени от дачи заколыхались в воде, то опускаясь, то возникая вновь. Огни в озере гасли один за другим. Дачи в лесу, финская деревня, как прежде, погрузились в зелень. Тёмный лес снова упрятал их в себя. Только далеко-далеко белая дача, которая возвышалась над лесом, продолжала сверкать своим окошком, так полюбившим солнце: они, как влюблённая пара, никак не желали разлучаться. Окно, подмигивая солнцу, посылало ему свой луч. Но вот сдалось и оно... Тотчас вспыхнула звезда, будто того только и ждала. Звезда, похожая на голубой цветок. Другая, словно из ревности, тоже засветилась грустным светом. А за ними друг за другом стали загораться их подруги, и вскоре небо над озером вдоль и поперёк заполнилось звёздами. Вот они начали бегать, перемигиваться и только некоторые, видно, дожидаясь друзей и родных, в оцепенении вглядывались в озеро, будто вы-

он ещё не был женат

сматривая в нём клад драгоценностей, будто желая проникнуть в его тайны.

Опять подул ветерок, и звёзды в озере исчезли. Вскоре они вынырнули, отряхнулись и снова стали рассыпать лучи. Лес зашумел, где-то вдали прокричала птица. Из-за леса, уверенно, словно прославленный батыр на майдан, вышел месяц. Он быстро поплыл на звёзды, появившиеся раньше, словно разгоняя их. Освещая себе путь, сбросил в озеро длинный сверкающий столб, который вытянулся по всей его длине – от берега до берега... Тени деревьев, что росли ближе к воде, расширились. Их листья, полоскавшиеся в озере, превратились в серебро.

Шамси с Анной сели в лодку. Сначала они собирались догнать звезду, струившую голубые лучи. Но та пустилась на хитрость: увидев их, как утка, нырнула в воду, а потом выныривала то с одной стороны лодки, то с другой. Оказавшись в столбе света, плыли, оставляя его то слева от себя, то справа. Анне, сидевшей на руле, удалось на некоторое время удержаться на лунной дорожке.

Шамси, медленно работавший вёслами, краем глаза наблюдал за Анной, сидевшей в белом платье на корме. Голова женщины, на которую падал серебристый отсвет, была чуть откинута назад. В её вытянутой шее ему почудилось высокомерие. В широко раскрытых глазах, устремлённых вперёд, он увидел ненасытность. Они – словно сияющая бездна, готовая поглотить всё. Казалось, желаниям этой женщины нет предела... В такой же лодке сидит ещё одна Анна. Та тоже в белом и тоже на корме, так же подняла голову. Но в её лице, в глазах – вдохновение, мысль…

– Ты о чём задумалась?

– Да ни о чём... Просто счастлива и радуюсь жизни. В такое время разговор ни к чему, он лишь разрушает очарование.

Она улыбнулась. В свете луны белоснежные зубы её блеснули жемчугами. Анна снова погрузилась в блаженное созерцание.

Шамси, напротив, подмывало говорить, шумно восторгаться, махать руками, кричать, прославляя Всевышнего, но он сдерживал себя, чтобы не нарушать молитвенного покоя безгрешного существа на корме, сидящего, закутавшись в лунное сияние. Он как можно тише поднимал вёсла и осторожно погружал в воду. Лучезарное светило приблизило их к берегу, где деревья рядами, словно ступени, склонялись к озеру, не по отдельности, а все вместе, потому что переплелись корнями. Облитые сиянием, они со всех сторон, вместе с плодами и листьями, казались светлыми.

Вон она, белая дача вдали. Отражение её протянулось по воде к самому лесу. Она открыла окно, в воде оно открылось тоже. Вот над водой гостеприимно распахнулась дверь, и под водой – тоже. Да это же не дача совсем, а дворец подводного джина! Он наколдовал эту сияющую дорожку, чтобы губить людей, заманивая на этот опасный путь. Ведь дорожка так прекрасна! Шамси снова посмотрел на Анну и перевёл взгляд на её томную двойняшку.

Он понял, отчего та грустит, отчего глаза её лучатся вдохновением.

Шамси приналёг на вёсла. Он знал, что без усилий ему не сойти с этого колдовского пути. Лодка накренилась, вода покрылась рябью. Анна обернулась: что случилось? Шамси, сообразив, что испугался воображаемого джина, громко рассмеялся. Он объяснил ей, в чём дело, и снова засмеялся. Лес отозвался гулким смехом.

Расхрабрившись, он засвистел. Свист пролетел сквозь листву, взглянул на финские поля и вернулся обратно. Шамси вдруг вспомнил давнюю башкирскую песню и запел широко, с чувством. Голос покатился по озеру и ушёл в лес, который вторил долгим эхом. А Шамси всё пел и пел, переходя от одной песни к другой.

Он спел всё, что знал, исчерпал весь свой репертуар. Но ему хотелось петь ещё и ещё. Вот Анна высоким, довольно красивым голосом затянула «Вечерний звон». Откуда в этой счастливой женщи-

не, довольной жизнью, столько чувства? Шамси посмотрел на другую женщину и понял, что поёт не Анна, а та, другая, что во второй лодке. Рот у женщины то открывался, то закрывался, выражение лица менялось, глаза смотрели в одну точку. Так вот кто поёт, и как душевно! Да, эта точно знает, что такое переживание, недаром в глазах у неё столько чувства...

Берег озера, поблёскивающий белым песком, похож на просо, выложенное на просушку. Каждая песчинка смотрит на печальные звёзды, на Зухру*, вознёсшуюся на небо и посылающую им привет.

Лодка уткнулась носом в песок. Шамси проворно выскочил из неё и вместе с поющей Анной, не дожидаясь, когда она выйдет, вытащил лодку на берег. Она прошуршала днищем о песок, и песня прервалась. Анна, согнувшись, боясь упасть, стала выбираться из лодки. Ступив на берег, она продолжала восхищённо смотреть вокруг. Оба очень долго молча стояли, потрясённые, держась друг за друга. Не в силах оторвать взгляд от волшебного озера.

Ветерок снова сморщил воду... Пахнуло сыростью. Лица слегка увлажнились. Шамси, который вырос на берегу реки, вспомнил детство, когда целыми днями не вылезал из воды. А, может, ему хотелось показать подруге, что он свободен, как ветер или это бескрайнее озеро, наполненное луной и звёздами, и волен делать, что хочет. Тут они оба вдруг предложили:

– Давай искупаемся!

Пока Шамси раздевался и аккуратно складывал одежду в лодке, Анна вошла в воду, оставляя следы в прозрачной воде. Она укладывала на голове косы, когда заметила в озере маленькую купальщицу. Зачерпнув воды, она брызнула на девочку, та ответила тем же. Анна погрозила пальцем, девочка повторила её жест, как бы говоря: «Я знаю, знаю твою тайну». Анна повернулась к Шамси:

– Ты готов?

Ночное светило перекрасило белокурую женщину в тёмный цвет и облило её серебром. Шамси по пояс был в воде, когда Анна, зачерпнув тонкими руками влагу, плеснула в него. Блестящие, словно жемчуга, холодные капли заставили его вздрогнуть. Он и вскрикнуть не успел, как на него полетели новые пригоршни воды. Шамси взвился, словно его укусила пчела, и, с силой разгребая воду, поскакал к ней, поднимая фонтаны брызг. На него, словно бабочки, летели озарённые луной капли. Переливаясь всеми цветами радуги, они стекали в озеро. Анна среди этого великолепия, гибкая и лёгкая, будто ангел, продвигалась вглубь. Шамси, как ни старался, как ни рвался вперёд, размахивая руками, догнать её не мог. Озеро становилось всё глубже. На поверхности оставались лишь круглые плечи Анны, тёмная голова да руки, загребавшие воду. Шамси работал руками изо всех сил. Вот он уже готов был схватить её за плечо, но женщина засмеялась и ушла под воду. Ноги её, сверкнув перед глазами Шамси, исчезли. В стороне вода расступилась, и показалась Анна. Шамси, словно охотничья собака на добычу, бросился к ней. Повернувшись к нему спиной, она стала энергично гнать волны. Шамси, нос и уши которого были полны воды, захлёбываясь, упрямо продолжал преследовать её, но Анна снова исчезла…

Не успела она отдышаться, выйдя на сушу, как в ноги ей с силой упёрлась голова Шамси. Анна вскрикнула от неожиданности, а он схватил её за талию и стал кружить. Она брыкалась и чертила ногами круги по воде. Серебристый голосок, смех, крики «пусти, пусти!» усиливались эхом. Шамси подкинул Анну высоко-высоко, и она, вспорхнув, плюхнулась в воду, которая взорвалась шумным всплеском. Анна поплыла на спине. Шамси догнал её, и они долго плавали вместе. Наконец они устали. Когда уходили, губы у обоих были синие, зубы стучали… К даче бежали, взявшись за руки. Наскоро поужинали холодным

*** Зухра – лунная девушка из легенды.**

мясом, запили финским катыком и легли спать. Мешала луна… Опустив шторы, сплетённые из прутьев, погрузились в темь и тишину ночи.

Хотя солнце уже было довольно высоко, озеро после вчерашнего дня казалось не отдохнувшим. Шамси поплыл, резко отталкивая воду руками и принудив сердце биться учащённо. Лёжа на спине и глядя в бледно-голубое небо, он пытался вспомнить что-то.

Вот послышалось утиное кряканье. Шамси весь обратился в слух, будто только этого и не хватало ему для счастья. Но вот кряканье удвоилось, утроилось... То ли из дома на опушке леса, то ли с дачи, вышла стая птиц. Передние уже добрались до воды. Они остановились, выгнули шеи и осторожно сунули клювы в воду. Остальные, взволнованно лопоча, скатывались с пригорка. Передняя утка напилась и поплыла. Волны за ней разошлись, словно два крыла. И вторая утка пустилась в плаванье. За ней остальные. Вода за ними расходилась волнами. От кругов, которые пересекались, путались, зеркальная поверхность озера покрылась всевозможными узорами, края которых блестели на солнце. Голова Шамси оказалась окружённой этими узорами. Он плыл меж ними, как бывало в детстве, когда купался в запруде возле мельницы. Там тоже были утки, только те обычно быстро исчезали. Наверное, мальчишки, прыгая в воду, пугали их. Вспомнил Шамси и гусей, которые зловеще топырили опущенные крылья, полулетали, полубегали по воде…

Там, чуть повыше запруды, из бани Бахави поднимался пар. С другого берега было слышно, как люди неистово хлестали себя вениками. Временами дверь открывалась, и пар клубами рвался наружу, будто внутри ему было тесно. За ним выскакивали облепленные листьями Минлебай-абзый или мать его, или сам Бахави-бабай, и – бултых! – прыгали в воду. Далеко разлетался дух размокших, ошпаренных берёзовых листьев! Да, так всё и было...

А когда после купания возвращался домой, мама сажала за чай с блинами из гречки. А после пятничного молебна кормила бараньим бульоном с новой картошкой и тутырмой – домашней колбасой с мясом и крупой. Как много времени прошло с тех пор! Ведь Шамси был тогда мальчишкой. После стал шакирдом, поступил в казанское джадидское медресе, где в подготовительном классе изучал все науки, не только теологию. Знал, сколь разнообразна Южная Америка: Аргентина, Гватемала, Рио-де-Жанейро, Амазонка, Миссисипи... Панама... Панама? Ну да, Панама. А ещё в памяти остались Филипп Великолепный, Пипин Короткий, папа Пий III, султан Махмуд Газнави, Алып Арслан. Была тетрадь с арифметическими задачками...

И вот, пока он пять лет долбил всё это, насмехаясь над шакирдами, которые учились по старинке и прятали мелочь под языком, поднимался с приятелями на крышу медресе, где с омерзением учился курить табак. А потом пошли забастовки. На улицах пели какие-то незнакомые песни, кого-то проклинали, кого-то ругали, кому-то собирались мстить. Весь мир жил готовностью сокрушить кого-то. Шамси с приятелями бастовал тоже. Тоненький учебник географии, книги по истории, которую турки списали с французских книг, тетради с никому не нужными правилами – всё выкинули прочь и написали заявление, что на месте медресе желают видеть университет. А ещё поколотили надоевшего всем учителя Чуаш Хакима; в чулане, где курили, кирпичом зачем-то выбили окно; во время обеда утопили в котле эмалированные тарелки; поломали и выкинули ложки. Столовую покинули, громко распевая шакирдскую песенку:

...долго гнили в медресе,
ничего не думая...

Был разговор с хазратом. Шакирды вели себя дерзко. Хазрат, взъярённый, кричал: «Выйдите вон!» Но никто не подчинился. Лишь когда явилась полиция, пошли выкрикивая слова революционного гимна шакирдов «Беренче

сада»*. Все были рады расстаться с медресе, где без всякой пользы было погублено столько лет. Однако надо было решить, что делать дальше, как жить. Шакирды собирались, совещались, но ничего из этого не вышло. Ладно, пароходы пошли. Кончилось тем, что все разъехались, кто куда. Одни, водрузив на голову феску, сделались «радетелями нации», другие поступили на бухгалтерские курсы, а кто-то, надев чёрную рубаху и подпоясавшись ремнём, стал готовиться к экзаменам на аттестат зрелости. Перепробовав всё, Шамси оказался в числе последних. Ехать домой ему было нельзя, потому что отец мечтал видеть сына муллой, а мама желала быть матерью муллы и пользоваться всеми благами такого положения. Огорчать родителей не хотелось, поэтому Шамси продал шубу, самовар и махнул в Астрахань. Рассчитывая на знание арифметики, полученное в медресе, он сумел устроиться в контору галантерейного магазина бухгалтером. Но уже через неделю обнаружилось, что для дела знания его не годятся, и вчерашний шакирд стал продавцом. Работы оказалось недостаточно, и он отправился к киргизам учить их детей. Это ему быстро наскучило. Собрав всё, что скопил, Шамси перебрался в большой город, где поступил на бухгалтерские курсы. По рекомендации одного байского сына, который тоже учился на курсах, он устроился приказчиком к сибирскому баю из мишарей. Через два года фирма лопнула, и Шамси снова оказался на улице. Войдя в компанию с товарищем, он купил лошадь, необходимые орудия труда и поехал в тайгу старателем – добывать золото. Дела, однако, не пошли, и он занялся мелкой торговлей. Затея пришлась на время угасания в Сибири торговли, так что его в очередной раз постигла неудача. Он пробовал быть с мишарями малаераком, пытался также писать и в конце концов отправился на Амур. Было время священного Рамазана, стариков там, куда приехал, оказалось много, поэтому Шамси стал муллой и учил людей намазу тарави. Завёл полезные знакомства и вместе с этими людьми приехал в Москву. Были у него с собой шкурки каракуля, и он занялся торговлей. Но ему не хватило находчивости и деловитости, присущих мишарским джигитам, поэтому успеха не добился. В конце концов Шамси сумел устроиться приказчиком в маленький мусульманский магазин. С помощью приказчиков, собирающих заказы, ему удалось перебраться в Петербург приказчиком к русскому купцу-мануфактурщику. Через год его пригласили в созданную неподалёку еврейскую фирму, увеличив заработок в два раза. Вот уже четвёртый год, как он служит там. В родном ауле не показывался четыре года.

Была осень. Нет, пожалуй, это случилось позднее – народ к тому времени уже вернулся с поля. Шамси уехал из аула в медресе три года назад. Когда вернулся, отец с матерью были счастливы. Разговоры, будто сын их стал русским, оказались вздором. Зарезали по этому поводу овцу, позвали хазратов, собрали гостей. Чтобы сынок не испортился вдали от дома, решили женить его на дочери Вахита с верхнего конца аула. Видно, боясь, что Шамси не согласится, дело решили сладить тайком от него. Послали сватов и назначили день свадьбы. Без его участия получили «добрую весть» – то есть согласие на свадьбу. Шамси узнал новость на улице и закатил родичам большой скандал. Не взирая на гнев отца и слёзы матери, он совершенно определённо высказал своё отношение, однако старики, понадеявшись, что в конце концов всё уладится, продолжали своё. Поняв это, Шамси ночью сбежал от них, пешком отправился на железнодорожную станцию. Так и ушёл. С тех пор много воды утекло. Интересно, как встретят его, если вдруг вернётся в родной аул?

Со стороны дачи донеслось:

– Иди домой! Кофе готов!

Лес, встрепенувшись, откликнулся

*** «Первый протест».**

на голос и вернул Шамси к действительности.

– Да, сейчас! – Шамси продолжал думать о прошлом. – Теперь я в дальних краях, на земле чужого мне народа. Отдыхаю, трачу молодость свою с русской женщиной, которую до сего времени знать не знал. Если бы женился тогда, была бы у меня теперь жена-татарка. Смог бы я делить с ней радость и счастье? С Минлесафой, дочерью Вахита?

Он представил себе Минлесафу в платье с сорока оборками. В этой обстановке девушка показалась ему совершенно нелепой, и он невольно рассмеялся. Уже возле берега поднялся и проговорил, вспомнив детское заклинание:

– Чистота – моё здоровье!.. Прочь, недуги и печаль! – и, присев, с головой ушёл под воду. Вынырнув, повторил заклинание, словно одного раза было мало.

– Вот же, разве Анна способна понять эти слова? Нет, не способна... Как это будет по-русски?.. Нет, невозможно перевести. Русская она... маржя*... Да, маржя...

Ему почему-то стало грустно. Да, жить с русской, конечно же, неправильно. Но ведь они неженаты. Молодая пара, встретившись случайно, вместе проводят отпуск, вместе радуются своей молодости.

Хватит философствовать! У человека, который трудился весь год и выбился из сил, есть право распорядиться своим месячным отдыхом так, как он желает, и получать от жизни все радости.

Увидев приветливую подругу, попив кофе, который она так превосходно готовит, поев за чаем вкусные угощения, он забыл о своих сомнениях. После углубился в чтение татарских книг, которые привёз с собой. Среди безмолвных финских лесов тоненькие книжки показались ему слабыми и неинтересными.

Когда Анна закончила свои хлопоты на кухне, они снова отправились на прогулку. После обеда на лодке доплыли до дальнего конца озера, куда впадала речка, и заплыли по ней очень далеко. Там они пили чай у финского рыбака. Потом ещё катались на лодке, купались, резвились, смеялись. Анна сказала:

– Хочешь, я почитаю тебе русскую книгу? Ты с Горьким знаком?

– Конечно.

Анна встала.

– «Мещан», «Челкаша», «Изергиль» читал?

Эти книги он не читал, Чехова тоже.

– В таком случае давай-ка я почитаю тебе то, что нравится мне.

Прежде всего, она принялась за «Старуху Изергиль». Голова Шамси, не привыкшая переваривать смелые суждения, пошла кругом. Он не мог охватить своим умом неожиданные мысли и испытывал неловкость.

– Послушай, – сказала Анна. – Русская литература уже прошла пору, когда женщины, как у вас, проливают попусту слёзы.

Слова её задели за живое.

– А что, разве слёзы – это плохо?

Анна опустила глаза в книгу, приготовившись читать дальше.

– Слёзы – не плохо. Но, чтобы строить жизнь, одних слёз мало. Для этого нужна сила. – Она продолжила чтение.

Шамси слушал очень внимательно, стараясь понять. Писатель говорил намёками, и стало ясно, куда клонит. Слушая нежный голос Анны, он всё больше проникал в смысл написанного. Книга захватила его. Он, казалось, сидит в медленно плывущей лодке и покачивается под музыку книги. Его уносило течение мысли, волновало. Он тонул и терялся в мыслях. Когда чтение закончилось, он ещё долго оставался под впечатлением. В ушах его звучали слова Изергиль. Он целый день ходил, слыша музыку прозы Горького. Вспоминались отдельные слова, перед глазами возникали видения описанного, в памяти всплывали разные мысли. Со временем всё это слилось воедино, и перед глазами возник образ большой, сильной, правдивой, прекрасной, стройной женщины,

---

*** Маржя *(тат. «маржа»)* – искажённое от Мария, вообще – русская женщина.**

из уст которой лилась красивая смелая музыка. Шамси несколько дней спорил с Анной, утверждая, что стиль писателя труден для понимания. Он упрямо стоял на своём, не сдавался, хотя и понимал, что не прав. Следующей была «Настенька» Чехова. Он слушал книгу с удовольствием. Окончив, Анна сказала:

– Вот это – настоящая татарка.

Её слова вызвали у него яростное несогласие.

Шли дни. Анна каждый день потчевала его новыми книгами. Прочитала «Мальву», «Челкаша». Короткие рассказы Чехова вызывали у него взрывы смеха. Прочла также несколько произведений Ибсена и Бернштейна.

Она умело распределяла своё время: его хватало и на готовку еды, и на прогулки, и на отдых. Оставалось время и на ласки, и на любовь. Дни были заполнены до отказа. Каждая минута дарила им красоту, радость, каждая минута удивляла. Падишах счастья надёжно воцарился в их головах. Он правил постоянно – днём и вечером, при свете и в полной тьме. Оба ценили эти драгоценные минуты. Чтобы продлить удовольствие, они будто в жару через соломинку потягивали ледяной шербет. Оба умели радоваться счастью, беречь его.

С погодой повезло. Дни стояли ясные и нежаркие. Лишь изредка тучи затягивали небо и посылали мелкий дождик. Небо на другой же день очищалось от туч, зеленели леса, луга, между деревьями проглядывали белые, красные, розовые цветы съедобных и ядовитых растений. Солнце припекало, как раньше. На третий день после дождика Анна рано подняла Шамси и повела в лес за грибами. Ещё в медресе его самым ненавистным русским блюдом были грибы, которые выглядели в столовой так неаппетитно. Она заставила его собирать их, показав, какие съедобны, а какие нет. Она готовила из этих гадких растений потрясающе вкусные блюда, пекла пироги. Шамси привыкал к безделью, с каждым днём всё больше входил в роль гостя, позволявшего себя баловать. Даже то немногое, что раньше делал, постепенно переложил на плечи Анны. Рубахи на нём меняла она, даже брюки натягивала на него. Он теперь был похож на башкира, который лежит на зелёном лугу, потягивает кумыс, надоенный женой, и вдохновенно играет на курае. У Анны хлопот прибавилось. Она перешивала, штопала, пришивала заплаты, пуговицы и лямки. Каждое утро говорила Шамси:

– Позвольте, господин башкирский кантон, одеть вас.

Что ни день переодевала его, ругала упрямца, не желавшего сидеть, и принималась чистить ему ботинки.

После двадцатого числа, дел у неё стало ещё больше. Ей откуда-то принесли грибы, и она солила их, добавляя уксус. Готовила варенье из вишни, земляники. Купила у финских женщин масло и, перетопив его, наполнила бочонки. Перестирав всё бельё, стала лишнее укладывать в чемоданы. Когда подошло время отъезда, его вещи отделила от своих. В день отъезда Шамси попросил:

– Давай ещё поживём здесь, хотя бы денёк!

– Вот ведь какой кочевник-башкир! – засмеялась Анна и согласилась. Шамси выдумывал новые хитрости, чтобы задержаться ещё, но она пошла к финну и заказала лошадь. Потом одела его и велела грузить вещи. Уезжая, не забыла прихватить счёт понесённых расходов и показала Шамси. Все эти цифры надоели ему и в городе. Он слушал её без особого интереса. Анна разделила расходы надвое и сказала:

– Вот это – твоя доля, а это – моя.

– Чего считать? Вместе жили, вместе расходовали! – возмутился он.

Но Анна сунула оставшиеся деньги ему в карман и, не слушая его, решительно возразила:

– В Финляндии по башкирским законам не живут. Я жила для себя, сама получала удовольствие, сама расходовала. Ты – для себя. Если не хочешь, чтобы мы поссорились, не говори лишнего.

Оказавшись в тесной своей городской комнате, Шамси почувствовал

какие-то кислые запахи. Чай с сухарями из самовара, вскипячённого хозяйкой, не шёл в горло, а сухари были словно из песка. А ещё этот какой-то непонятный запах. Утром рано надо было идти в магазин, поэтому он лёг в десять, но уснуть не удавалось. Будто кто-то кусает его. Он повернулся на бок, потом – на другой. Было непривычно тесно. Попробовал, закрыв глаза, посчитать… Досчитал до ста и дальше, но глаза по-прежнему таращились. Зажёг свет, поискал, нет ли клопов, блох, нет, не нашёл. Хотел снова лечь, но всё его существо воспротивилось. Не верилось, что клопов и блох нет. Опять стало трудно дышать. Усилилось ощущение, будто ему не хватает чего-то. Видимо, лёг слишком рано. Он оделся и вышел на улицу. Ноги сами понесли его к дому Анны. «Посмотрю, – решил он, – если свет горит, зайду, узнаю только, не слишком ли устала». Остановив проезжавшего мимо извозчика, поехал. На окно взглянуть забыл и торопливо взбежал по лестнице. Анна открыла сразу же. Она взглянула на него с улыбкой, будто спрашивая: что, не спится? Войдя в комнату, предложила: «Чаю хочешь?» Чай, заваренный на спиртовке, показался вкусным. И перекусить нашлось чем. Не было здесь и запаха, который так мучил его. За разговорами чаепитие затянулось, идти домой было поздно, и он остался у неё.

* * *

Дни шли за днями. Работа вновь захватила. С башкирскими замашками пришлось проститься и вернуться к роли расторопного приказчика. Жизнь вошла в прежние рамки. Оба стали приказчиком и приказчицей. Новостью в их жизни стало то, что они устраивали по вечерам совместные чаепития то у неё, то у него. Всю зиму напролёт разговоры то и дело сводились к воспоминаниям о финском отдыхе. На Новый год Анна уехала куда-то во Владимирскую губернию навестить мать. Шамси занялся посещением благотворительных спектаклей театра. Там он познакомился с учащимися татарскими барышнями, дочерьми довольно успешных казанских торговцев. Он внимательно присматривался к тем из них, кто достиг зрелости и был ближе всего к возрасту невесты. Одну из них проводил даже до дома, забавляя весёлым разговором, намекая, что пока не женат. Одна чернобровая мишарочка понравилась ему. Он пытался заговорить с ней о жизни, о книгах. Хотел выяснить, как смотрит она на те или иные житейские проблемы. Девушка слушала его с улыбкой и соглашалась со всем, что он говорил. Ни слова путного от неё он не услышал. Словом, перед ним была типичная чеховская Настенька.

Он стал наблюдать за дочкой Касым-бая, которая казалась умнее других. Шамси говорил с ней о Тукае, о стихах. Она ошеломила его вопросом:

– А Тукай этот, кто он?

Шамси не понимал, как можно быть татаркой и ничего не знать о Тукае! Зато Нурия (так её звали) сообщила, указывая на одну из девушек:

– Знаете, её сватал человек из Касимова, а она вернулась. Говорят, у неё падучая... Взгляните-ка на ту вот девицу, – продолжала она. – По-моему, кофта её из простой ткани и не очень-то идёт к её длинному носу!

Вот так проявилось её национальное нутро!

Третья, четвёртая... Шамси уже боялся интересоваться внутренней содержательностью девушек. Достаточно было проявиться одной лишь неблаговидной черте, как он бежал прочь. Он искал и не находил в них ничего похожего на Анну.

В фойе театра он наблюдал сцену, как одна курсистка шумно ссорилась со студентом по поводу новой книги. Шамси вспомнил, как в споре с Анной он отстаивал татарскую литературу. Доводы, приводимые курсисткой, показывали, что она – человек думающий, но знакомиться с ней Шамси не решился. Он не верил, что она способна на какие-то свежие мысли, на свои какие-то убеждения.

Когда Анна вернулась из поездки, Шамси повёл её в театр, заранее предупредив, что собирается подыскать себе невесту. Он рассказал ей о девушках, которые разочаровали его. Анна слушала очень внимательно.

– Правильно, тебе уже давно пора жениться, – сказала она, – однако прежде надо хорошенько приглядеться. Я помогу тебе.

Она говорила так, словно собиралась женить брата. В театре она отошла в сторонку, сказав:

– Иди и чувствуй себя свободно, на меня внимания не обращай. Домой пойдём вместе.

Во время антракта Шамси водил её в буфет пить чай, провёл по залу. Анна выслушала, что знает он о той или иной девушке, спросила, кто из них нравится ему, сделала замечания по поводу нарядов и туалетов женщин, а потом быстро покинула его. Шамси снова знакомился с девушками, разговаривал с ними. Когда заиграла музыка и начались танцы, стал приглашать их на танец. Но вот началась литературная часть, зазвучали татарские песни. Шамси забыл об Анне. Но, увидев её танцующей с татарским студентом, испытал досаду.

Они долго обсуждали увиденное в театре. Анна много и очень деликатно, мягко говорила об игре артистов, одежде, песнях, музыке, танцах.

Шамси всю зиму был озабочен своей женитьбой, но поскольку поиски оказались тщетными, ничего не менялось. Новостью было разве то, что посещения театров Анна сделала регулярными. Она водила Шамси на большие пьесы в разные театры. В книжных магазинах покупали новые издания, так что Шамси превратился в активного библиофила. Если в свободное от работы время случались лекции по литературе или научные сообщения, водила его туда. Она заставила его прослушать двенадцать лекций известных учёных по истории русской словесности. С большим трудом, выдержав настоящую битву, достала билеты на лекцию московского знатока музыки.

Ближе к весне Анна сообщила, что написала заявление об уходе с работы.

– Но почему, почему? – допытывался он. Она молчала.

Однажды вечером он застал её заплаканной, с покрасневшими глазами. Она сказала, что с работы уволилась. На вопрос «Почему?» Анна вынула какое-то письмо и бросила на стол. Шамси читал и чувствовал с самого начала, как его бросает то в жар, то в холод. Прочитав, он с подозрением уставился на Анну. Письмо начиналось мягкими словами и кончалось предложением дружбы и совместной жизни. Анна, дождавшись, когда он кончит читать, спросила:

– Ты понял? Это написал мой хозяин. Уже год, как он начал приставать ко мне. Сначала я принимала всё за шутку, но он перешёл все границы приличия. Сегодня поймал меня возле конторы и пытался обнять. Еле вырвалась. В магазине я при всём народе ударила его по лицу ножницами. Теперь уж мне путь туда заказан.

Растерянный Шамси пытался придумать, как ей помочь. Ему казалось, следует поменять профессию или овладеть каким-нибудь языком. Потом сказал, что заработок ему повысили на 15 рублей, так что денег на двоих вполне хватит. Однако об этом Анна и слышать не хотела. Она пошла искать работу на другой же день. С утра и до вечера ходила по газетным объявлениям. Писала письма в магазины, лавки, конторы, говорила по телефону и ходила туда. Но все её старания были напрасны, место найти не удалось. Где-то требовали ехать за границу, где-то необходимо было знание немецкого языка, где-то, кроме работы приказчика, надо было исполнять ещё и обязанности бухгалтера. Наконец, нашла место машинистки в скромном судебном учреждении всего за двадцать пять рублей. Вначале умеренный заработок напугал её, но, поскольку свободного времени оставалось много и была возможность печатать вечерами, работа оказалась выгоднее прежней.

Летом хозяева Шамси отправили его

в Сибирь за товаром. Ему предстояло также завязать торговые отношения с тамошними мусульманскими фирмами. После хозяева забрали Шамси с собой на Макарьевскую ярмарку. Так что лета на этот раз не видели оба. Зимой он снова озаботился женитьбой, стал посещать несколько домов, где были девушки на выданье.

Как-то в клубе должен был состояться вечер, куда он постарался попасть, надеясь во время литературных и научных дискуссий познакомиться с интересными людьми, в особенности – с женщинами. Там он не нашёл никого интересней польской девушки, за которой ходил весь вечер. В другой раз, познакомившись с казанской девушкой, сходил с ней в театр. Но встретить настоящую суженую не удавалось. Вопрос с женитьбой затягивался. Отношения с Анной между тем по-прежнему оставались дружескими.

В марте выпали прекрасные, светлые, но обманчивые деньки. В один из таких дней Шамси надел летнее пальто и поехал на остров. Было жарко, он вспотел, но всё же не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать закат солнца с лодки. Любуясь красотой, не заметил, как холодный ветер продул спину. Он оставался на острове до вечера, гуляя в лесу, пока не стало очень сыро.

* * *

Анна, занятая срочным заказом, узнала о его болезни лишь на четвёртый день. Увидев скрюченного Шамси, с трудом передвигавшегося по комнате, она пришла в ужас и быстро вызвала врача. Стало очевидно, что у него начался плеврит, который без должного ухода грозил перейти в чахотку. Анна тотчас сообщила на свою работу и на неделю получила отпуск. Дни и ночи проводила она возле больного. Тот требовал ухода и ночью, поэтому она переехала в освободившуюся соседнюю комнату, чтобы неотлучно быть при нём. На работе в дополнительном недельном отпуске ей отказали, и она вынуждена была уйти. Вскоре Шамси пошёл на поправку, но уход по-прежнему требовался серьёзный. Особенно строго надо было следить за питанием, поэтому Анна принялась готовить сама. В начале мая больной пришёл в норму, но был ещё слишком слаб. Для полного оздоровления доктора советовали ехать на кумыс. Шамси собирался в аул к родителям, но Анна сделала всё, чтобы он поехал на кумыс. Шамси хотел ехать один, но она его не оставила. Денег было мало, поэтому одежду на лето не заказывали. Пишущую машинку и немногие свои золотые украшения Анна заложила в ломбард.

На пароходе вечерами, едва почувствовав сырость, Анна уводила Шамси в каюту, утепляла его, меняла одежду. Она ходила за ним, словно за капризным ребёнком. В Уфе навела справки и нашла глухое селение, куда чахоточные не ездили. Увезла его в предгорье Урала. Аул располагался в сорока-пятидесяти километрах от железной дороги.

Строение возле пасеки, в котором они поселились, не было предназначено для житья. Это была всего лишь клеть муэдзина-абзый, пчеловода-любителя, куда он складывал своё пчеловодческое хозяйство: рамы, соты, маски, совки, кузова, корм для пчёл. А потому окошко было одно-единственное, ни печи, ни обстановки, лишь саке да полки для мёда. Ни чулана, ни сеней, ни двора, ни плетня. Через широко распахнутую дверь в белой из оголённых брёвнышек молодой липы стене, обращённую в сторону гор, слева в хороводе деревьев видна была пасечная поляна муэдзина-абзый.

Горы с зелёными деревьями на гребне, которые заслоняли дальнейший вид, громоздились до самого неба.

В окошко с противоположной стороны взгляд по ровному лугу, поросшему шелковистой травой, расцвеченной яркими красками цветов, словно по гладкому ковру, скатывался к подножью и, спотыкаясь о липы, вязы, дубы и берёзы, падал в Дим, прихотливо из-

вивавшийся среди моря зелени. За рекой пейзаж снова менялся. Полоса кустарников, обрамлявших берег словно кружево, выбегала на широкий простор луга. Расшитый самыми разнообразными чёрно-красными, бело-пёстрыми, жёлто-серыми цветами, он не имел ни конца, ни края. В уголке, словно драгоценный камушек, поблёскивало озерцо. Впадающий в него ручеёк, выбегая из леса, сверкал, подставив солнцу гладь воды, и тут же терялся среди трав и кустов, обступавших его.

Далеко-далеко за зелёными лугами синеют горы, затянутые лёгкой дымкой. Справа и слева тихо струит свои воды Дим, напоминая то башкирскую молодушку, затаившуюся от преследования мужа, то зайца, тихо сидевшего в норке и вдруг, почуяв волка или лису, заполошно пустившегося наутёк. Неожиданно река круто забирает вспять, будто ласточка оглядывается назад, испугавшись, что улетела слишком далеко. И вот путь заслонил большой тополь. Дим, недовольный, обтекает его с двух сторон, словно берёт в плен. А порой река становится похожа на стадо сытых овец, лежащих в сочной траве, спасаясь в тени от солнца и не желающих покидать широкое раздолье. Ближе к верховью на извилинах реки, обращённых книзу и кверху, рассыпались редкие башкирские аулы с длинными островерхими минаретами. Словно над островками в море, над ними курится голубой дым из окрашенных в белое труб. Если подняться в гору вечером, когда тени деревьев становятся длинней, а зоркий глаз солнца теряет остроту, и взглянуть окрест себя, будет видно, как огромны горы, как сложно их строение, когда они, круглые и продолговатые, вздыбившись, громоздятся друг на друге, образуя исполинские кряжи. Каменные великаны скованы между собой нескончаемой цепью дремучих лесов, которая тянется к далёким утёсам, окутанным пеленой тумана. Справа и слева разновеликие горы – высокие и пониже. Крыши их, поросшие лесами, украсившиеся озёрами, покрывшиеся сочными травами, переходят в оголённые лбы, а дальше, перескочив через ручей, углубляются в леса, наполненные зверьём и птицами, в поляны с бабочками, пчёлами, стрекозами. Здесь кипит жизнь – всё вьётся, играет, порхает; хор всевозможных голосов заливается трелями, гудит, пищит, песни поют голосами высокими и низкими...

В воздухе разлит нежный, тончайший аромат. Обволакивая всё вокруг – лес, горы, луг, берег, – он кружит голову, пьянит. Что это? Откуда он? Может, его навевает музыка леса? Или сверкающие при свете луны струи Дима, его капризные извилины, тихий мелодичный плеск перекатов? Солнце едва успевает спрятаться, как опускаются сумерки. И вот тогда-то начинается соловьиный концерт. Сначала трели доносятся откуда-то снизу, с подола горы, и тотчас летит встречный привет с соседней горы. Их слышат наверху, на лугу, в поле, у реки, за рекой и тотчас вступают сами. Весь мир – небо и земля – вся вселенная утопает в соловьиной песне и слушает, склонив голову перед поэзией любви... Замолкают птицы, все насекомые. Одна лишь кукушка вдали продолжает тосковать по своему возлюбленному да кузнечик стрекочет порой, не в силах справиться с восторгом. Шумно катит волны Дим, окутанный лёгким туманом, надолго унося с собой дивные песни. В восхищении кланяются лес и ласковый ветерок. Все аплодируют соловьям, которые оглушительным пением своим переполошили мир.

В первые дни Шамси и Анна, вдыхая необыкновенный воздух гор, ходили словно пьяные. Они не могли уснуть ночами и, пока на заре не умолкнет последний соловей, с горы не спускались – гуляли по росистой траве, грелись в первых лучах утреннего солнца, когда капли на листьях и цветах перемигиваются с солнцем.

Их сопровождали песни луговых птиц. Лишь после утреннего «азана» жаворонка возвращались к себе. В пасмурные дни брали удочки и отправлялись к Диму. В тени прибрежных деревьев

хорошо ловилась рыба с серебристой спинкой. Они таскали её одну за другой до самого возвращения стада, когда дочь муэдзина приходила звать на ужин. Оставив погрузившийся в тишину широкий луг с утомлёнными солнцем цветами, лес который тянул руки к озеру, умоляя о росе, они поднимались в гору. Потом за столом возле белой клети руками ели баранину, сваренную в бульоне с луком и перцем. Ароматный бульон, пахнувший луговыми травами, прихлёбывали прямо из ковша, заедая картофелем. При свете звёзд и луны пили чай, с головой утонув в трелях вечерней музыки птиц и насекомых, изредка обдуваемые сухим горным ветерком. Жена муэдзина дала им к чаю прошлогодней смородиновой пастилы. Среди буйных красот природы городские воротники и галстуки казались столь несуразными, что Шамси в первый же день забросил их вместе с пиджаком. Остался в простой белой рубахе, которую сшила ему дочка муэдзина, штанах и чувяках на босу ногу. Анна из ситца, купленного на базаре, смастерила себе два широких татарских платья.

Кумыс сразу же пришёлся Шамси по вкусу. Анна, как ни старалась выполнять указания врача и научить его пить понемногу, ничего у неё не получалось. Едва прослышав запах целебного напитка, он стал с удовольствием пить его. Муэдзин-абзый принёс кумыс лишь на пробу, а Шамси тут же стал хлестать его дустаками-ковшами. Не прошло и недели, а Шамси, уподобившись заправскому башкиру, уже глушил его с утра до вечера. Кобылиц у муэдзина было много (привозить кумыс со стороны здесь не было принято.) Продавать кобылье молоко на базаре муэдзину не позволяло достоинство, поэтому напитка оказалось обильно. Пить из стаканов для столь славного напитка считалось унизительным, поэтому пользовались сифонами (немецкое изобретение), которые вкусу не вредили, или кумыс неистово зрел в деревянных бочонках-сагах, – пили его шумно, разлив по дуста́кам. Питание было организовано просто. Муэдзин-абзый каждый день угощал гостей парной бараниной. Абыстай не жалела для них варёных сливок, топлёного масла, прошлогоднего мёда. Анна начала учить дочку муэдзина русскому языку, а молодую его жену рукоделию. Уважение к ним возросло. Гостеприимство расширилось настолько, что теперь они в любое время могли выезжать на лошади. В их распоряжение была предоставлена также лодка.

Самочувствие Шамси улучшилось в первую же неделю. Через три недели он прибавил в весе и забыл о своём недуге. При подъёме в гору уже не задыхался. Когда зацвёл ковыль и горы окутались ароматом цветущей липы, Шамси почувствовал себя совершенно здоровым. Необходимость в лекарствах, которые во множестве привезла с собой Анна, прошла. Теперь уж при малейшем понижении температуры ей не приходилось кутать Шамси в казакин. В сырое время не нужно было также запирать его дома. Обязанность её состояла лишь в том, чтобы уводить Шамси от любой воды, к которой он был неравнодушен, не позволять купаться, где попало.

Настала пора сабантуев, молодёжных гуляний. Дочь и сын муэдзина, Анна и Шамси, наполнив четверти кумысом, запрягали пару лошадей и выезжали на джиены. Они наблюдали там конные скачки, борьбу. Им нравились вечерние выступления кураистов. Башкиры, живущие по берегам Ашказара, отличались особой музыкальностью. Они пели прекрасные свои песни «Тафтиляу» и «Сакмар» с большим мастерством и чувством. Слушатели будто оказывались среди душистых лугов и степей, дышали их ароматом. Скорбные песни Салавата были полны сожаления об утраченной свободе, о былом счастье. Шамси искренне сочувствовал певцу, из уст его невольно вырывался тяжкий вздох. А при исполнении знаменитого «Ашказара» он, как и все башкиры, просто замирал от восторга. Шамси нравились эти встречи. На вершине горы при ярком свете луны под звуки курая он по-

казывал татарский танец. Пел вместе со всеми. На спор состязался, кто больше выпьет кумыса, учил людей новым казанским песням, слушал башкирских старцев, которые рассказывали легенды Гарди-кантона, сказки.

Он целыми днями ощущал, что рядом, где бы он ни был – среди родных просторов, в гостях у своих родных людей, – постоянно присутствовал чужой человек, который сделал для него так много. Чтобы избавить от чахотки, пожертвовал всем, что у него было. Но теперь Шамси забыл об Анне. Порой, слушая звуки курая, которые делали его счастливым, сильным, он с сожалением думал: «Ну почему я не один?» И ему хотелось, чтобы Анна, которой были чужды эти звуки, эти луга, горы, это джиены и кумыс, исчезла, испарилась. Но, вспомнив, что сделала она для него с первого дня болезни, сколько радости и удовольствия получил, благодаря ей, за время их знакомства, он пришёл в ужас от собственных мыслей. Шамси смотрел по сторонам, ища её глазами, не ушла ли. Он понимал, что не успокоится, пока не найдёт её. И всё же мысль о том, что Анна здесь лишняя, не оставляла его. Вот и ладно, что отошла в сторонку... Интересно, если мать с отцом узнают, что она сделала для него, как они посмотрят?.. И потом ему же пора жениться. Анна ведь ни словом не выразила недовольства. За это ей большое спасибо. Благодаря этой женщине он два года жил содержательной жизнью. Она научила его жизни, раскрыла ему глаза; познакомила с миром русских; благодаря ей, узнал он русскую литературу. В трудные моменты жизни она была ему верным другом, товарищем, она умела украсить их существование. Не щадя себя, ничего не требуя взамен, дарила радости. Спасибо ей, этого я не забуду никогда! – думал Шамси. Но я татарин и должен жениться на татарке. Например, на такой девушке, как дочь муэдзина. Но способна ли она, как Анна, быть щедрой, бескорыстной? Как Анна, никогда не говорить грубости? Уметь, как Анна, находить в жизни удовольствия и делить их с ним? Вот какая татарская девушка нужна ему для женитьбы.

Да, он женится. Но на ком? Шамси стал перебирать в уме знакомых девушек. В воображении своём оживил ту, которая могла бы стать его невестой. Она должна быть мягкой и спокойной, как Анна; глаза добрые и рост такой же. Довольно изящной и вполне похожей характером. А лицо какое?.. Ну, раз татарка, значит, смуглая, черноволосая? Нет, не так. Татарки тоже бывают белолицыми и светловолосыми, с голубыми глазами. Петь она должна таким же, как у Анны, приятным голосом. Песней её, конечно же, должна быть «Ашказар». Но мотив у него почему-то смахивает на «Вечерний звон». В словах, голосе опять-таки узнаётся Анна. Да, на такой девушке он женился бы. И женится, обязательно, женится... И хотя избранница его была в калфаке, он увидел перед собой Анну. И заговорила она почему-то голосом Анны и на русском языке. Нет, хватит! Да убережёт меня Аллах! Чего только не бывает в жизни. Прощай, дорогая, спасибо тебе за всё! Дети нас не связывают, так что в Петербурге расстанемся.

Шамси не только задумал всё это, но и начал подготовку. Думая о жизни в Петербурге, он уже не допускал совместной жизни. Безусловно, они будут жить в разных местах. Обо всём этом он рассказал Анне.

* * *

Когда, выздоровев, он вернулся в начале августа в Петербург, стало известно, что места он лишился. Все накопления ушли на лекарства и лечение, поэтому нужно было как-то выходить из положения. Анна тоже была без работы, и они сняли комнатку на двоих. Анна, разыскав старых заказчиков, села за машинку. Чтобы расходов было меньше, еду она стала готовить сама. Шли дни, прошёл месяц, а работы всё не было. На скромный заработок Анны пришлось жить вдвоём. Шуба Шамси была в ломбарде, а поскольку просту-

да могла обернуться для него чахоткой, над ними нависла проблема с шубой. Анна стучала на машинке день и ночь. Не засыпая, отказывая себе в отдыхе. Завершила работу над большим заказом и выкупила шубу Шамси. У неё тоже не было осенней одежды, но, уверяя Шамси, что не мёрзнет, она ходила в лёгком летнем пальто.

Но вот, слава Аллаху, Шамси нашёл место. Да ещё какое! По сравнению с тем, что было раньше, работать предстояло мало, а жалование было большое. А самое главное, Шамси наполовину становился хозяином дела. И работать он будет только с мусульманами – продавцами и покупателями. Сам будет регулировать вопросы купли-продажи. Надо быстрее получить деньги авансом и справить Анне одежду. Потом надо будет приодеться самому. До начала вечеров в клубе «Шарык». Первым делом надо обзавестись собственным жильём. Расстаться с Анной будет непросто... Но надо, обязательно надо это сделать! Анна и сама так считает...

Предстоит потихоньку привыкнуть к этой необходимости. Однако, хотя бы на месяц, надо дать Анне возможность прийти в себя, отдохнуть после долгой каторжной работы. Ближе к Новому году пусть съездит в деревню. Надо, чтобы комната у неё была получше, где Анна навела бы идеальный порядок, как она умеет. Сначала он будет навещать её, а потом постепенно оставит. Он окончательно станет независимым, женится, справит свадьбу. Со своей женой, как с Анной, он заживёт счастливой жизнью, полной смысла. Да, всё будет так. Решение принято. Но до поры до времени нужно держать это в тайне, пока Анна окончательно не соберётся с силами.

Получив авансом двадцать пять рублей, он тотчас отправился в магазин, где торговали фруктами. Набрав яблок, апельсинов, изюму, варенья, он зашёл в кондитерскую, где купил пирожного и других сладостей. Ноша была тяжёлой, но, поравнявшись с цветочной лавкой, он не мог не купить для Анны букет любимых её лилий. Всего было так много, что пришлось нанять носильщика с тележкой. Рисуя в воображении радость Анны, он не заметил, как одолел лестницу. Шамси нетерпеливо позвонил, но поскольку Анна, к его досаде, не вышла встречать, ввалился в дверь со всеми покупками, широко улыбаясь. Он думал, что Анна сидит за машинкой, и громко закричал:

– Я работу нашёл! – Испугавшись собственного голоса, он посмотрел по сторонам и увидел Анну, лежащую, скрючившись, на кровати.

– Что случилось?! – спросил испуганно.

Анна повернулась к нему, хотела встать. Не успел Шамси разглядеть её заплаканные глаза, как она громко разрыдалась и снова упала на кровать, поджав под себя ноги. Он растерялся, радости как не бывало. Всё, что он купил, и цветы в том числе, казались ненужными, неуместными. Не снимая шубы, он повторил:

– Так что же с тобой, скажи! – Шамси потрогал её лоб, который горел как огонь.

– Ты заболела! Простыла, как видно. Ну конечно же, можно ли на таком морозе ходить в летнем пальтишке! – Ему стало неловко оттого, что был в шубе.

Слова Шамси, его взволнованный голос возымели действие. Анна постепенно успокоилась, открыла глаза и с трудом стала подниматься. Увидев, с какой жалостью смотрит на неё Шамси, она снова заплакала, но вскоре затихла, приходя в себя. Шамси ждал, превратившись в живой вопрос, словно говоря: «Ну же, говори, в чём дело?» Анна долго собиралась сказать что-то, но, так и не справившись, выдохнула:

– Не могу! – и опять ударилась в слёзы.

Шамси смотрел с сомнением: да в своём ли она уме. Он разделся и подсел к ней. Обняв Анну, стал говорить ей ласковые слова.

Она притихла. Боясь, как бы опять не расплакалась, он спросил:

– Пить хочешь? Может, поешь чего-нибудь?.. Я так много всего купил.

Анна кивнула, он попросил хозяйку поставить самовар. Вернувшись к ней, подождал, пока она успокоится, и стал рассказывать, какую замечательную работу удалось ему найти. Набрав из-под крана воды, умыл ей лицо. Анна как будто утихомирилась, но на лице её оставалась печать не то испуга, не то ужаса. Выложив яблоки, виноград, Шамси снова хотел задать тот же вопрос, но, увидев несчастное лицо подруги, передумал. Чтобы развеять её страх, он принялся живо говорить о чём-то, прихлёбывая из чашки. Погладил её холодную руку, налил ей чаю, протянул самое красивое яблоко, он поднёс чашку ко рту. Анна вдруг тяжело вздохнула и сказала, словно решившись сбросить с себя груз:

– Шамси, я беременна, – и пряча лицо, зарылась к нему в пиджак.

Шамси будто окаменел. Глоток чая застрял у него в горле. Ему показалось, что его ударили по голове, и она перестала соображать. Его словно расплющило чем-то тяжёлым, будто навалился злой дух албасты, чтобы удавить его. Свет в глазах померк, уши заложило, так что он не видел Анны, не слышал её воплей.

– Что ты сказала? – спросил он.

– Я беременна.

Да, она беременна. У него будет беленький, нежный ребёнок. Нет, не у него, а у Анны. Она назовёт его Васей или Яшей. И этот Вася-Яша будет его сыном... Безродным... Как сам Шамси стал сыном Габдуллы, так и этот ребёнок станет его сыном. Отец Шамси станет белобрысому русскому мальчонке – Василию Шамсиевичу – дедом... А когда Шамси умрёт, сын пойдёт поминать его в церковь, будет креститься, поставит свечу...

Он встал, даже не заметив, как голова Анны упала на диван, и вышел. Было желание уйти теперь же. Вдруг возник вопрос: «Куда?» И в самом деле, куда он пойдёт? Ведь он теперь отец. Где бы ни был, разве он сможет забыть об этом?..

Анна вскочила и, как безумная, вцепилась в него, схватила за руку.

– Постой, подожди! Выслушай, выслушай меня! – говорила она в отчаянии, глотая слёзы. – Знаю, ты винишь меня. Но... я ни в чём не виновата... На кумысе я ничего не могла поделать. Возвращаясь, в Самаре была у акушерки. Она не помогла. Здесь пошла к знакомой акушерке. Та заверила, что всё будет хорошо. Пыталась делать что-то и в конце концов отправила к доктору, а его не оказалось дома. Вчера вернулся. Сегодня смотрели два доктора и сказали, что время упущено, помочь уже нельзя. Пойми, я сделала всё. На всё была готова. В ногах у них валялась, и ничего из этого не получилось. Тебя прошу только об одном: не подумай, что я всё подстроила нарочно. Если хочешь, можешь уйти сегодня же. Я сама выращу ребёнка. Только избавь меня от подозрений. Она снова зарыдала, повиснув у него на шее.

Шамси верил. У него не было никаких оснований подозревать её в обмане. Однако где-то в уголке его сознания угнездилась обида, будто Анна украла его счастье, украла отцовство, оставила без священного никяха, обрекла на вечное безбрачие. В душе Анны тоже остался осадок. Она чувствовала себя несправедливо оскорблённой и униженной. В трудную минуту обратилась она к Шамси, надеясь на сочувствие и помощь, но не получила ни того, ни другого. Он был холоден, и на лице его она не видела радости. Возвращаясь с работы, Шамси теперь домой не спешил. Когда приятели приглашали его куда-нибудь, соглашался с радостью и засиживался с ними до конца. В шумной, весёлой компании он нередко уходил в себя, а когда было спиртное, напивался до безпамятства. Он был уже не тем Шамси, который смотрел на мир добрыми глазами. Случалось, что веселье затягивалось или выпивки было мало, и он трезвел раньше времени. Тогда Шамси становился невыносим: не смеялся, ничего не говорил, ни во что не играл, только привязывался ко всем,

мешая. Приятели, раскусив эту его особенность, старались споить его. Шамси, занятый своими переживаниями, думая об Анне и ребёнке, в конце концов стал пьяницей.

Мысль о разлуке не покидала его. Но он не мог просто так взять да и заменить Анну какой-нибудь Фатымой, которая перед постом станет дёргать его, то и дело напоминая о жертвенном баране, страдать по поводу теста – поднимется – не поднимется, не оскандалится ли она с пирогами, и за две недели до праздника будет метаться по городским магазинам; или Гайшой, которая за чаем, станет читать ему газеты и журналы, купленные им по дороге к дому. Кроме Анны есть ещё кое-кто, кого никем заменить невозможно – абсолютно беспомощное создание, не способное постоять за себя. Это Вася-Яша. Шамси по собственному желанию откажется от красоты и удовольствий, которые предлагала ему Анна. Ради жизни с женой-татаркой, с которой предстоит делить радости и беды, построить семью, родить и вырастить детей-татар, Шамси должен будет пожертвовать своим личным удовольствием. Анна понимала и одобряла это. Да, он откажется от свободной, независимой жизни, когда не надо было униженно кланяться друг другу, когда возможны были уважение и радость от общения друг с другом. Но как же Яша-Вася? Кто имеет право оставить его без отца, у кого хватит духу лишить его воспитания? Навязчивая мысль эта не давала ему покоя. Поскольку в свободные отношения двоих предстояло вмешаться третьей жизни (тут уж деваться некуда), надо считаться с понятиями морали. Шамси думал и так, и эдак, прикидывал по-всякому, но лишать будущего ребёнка прав ему не позволяла совесть. Однако примириться со свершившимся фактом, сказать, что нашёл судьбу, какую искал, и улучшить отношения с Анной, наладить совместную жизнь ему мешало что-то. То ли воспитание, полученное в медресе, то ли за несколько лет он успел привыкнуть к мысли, что женится непременно на татарке, что на свадьбе и в супружеской его жизни национальные обычаи будут соблюдены. Все мечты были окрашены в татарские цвета, пропитаны татарским духом. Вот почему жизнь с Анной он никак не мог считать семьёй. Несмотря на все старания, измениться он не мог. Справиться с противоречивой двойственностью не удавалось.

Анна тоже изменилась. Не было уже в её любви прежней свободы, прежней широты. Третий человек, видно, и тут влез в их отношения, развёл по сторонам. А может, на ней сказываются сомнения Шамси? Она остыла, ушла в себя. Видно, ей тоже хотелось освободиться от мучительных сомнений, и Анна часто проливала слёзы.

Лечение Шамси было полностью оплачено и долгов у них не было, но машинка Анны снова стучала день и ночь. Уговоров Шамси она не слышала, не останавливало её и собственное самочувствие, хотя Анна худела на глазах. Женщина явно что-то задумала и вела себя так, словно собирается отдать какой-то долг.

Как-то, ближе к весне, она сказала после долгого молчания:

– Шамси, мне пора готовиться. Здесь, в чужом жилье, мне будет трудно, я решила обзавестись собственным. Я уже облюбовала маленькую квартиру. За обстановку есть возможность расплачиваться несколько месяцев. На следующей неделе я переберусь туда. Если хочешь, для тебя там есть отдельная комната. А не хочешь, оставайся здесь. Свою комнату я буду сдавать.

Голос её звучал холодно и решительно. Ей хотелось бы и дальше сохранять вид независимого человека, но из глаз невольно закапали слёзы, и она замолчала.

Перед Шамси встал всё тот же мучительный вопрос. У него не хватило сил единым махом разделаться с затруднением, которое тянется уже три года. И он сказал то, с чем в душе согласен не был:

– Почему же ты сразу не рассказала? У меня есть деньги. Почему залез-

ла в долги? – упрекнул он. Но Анна не хотела брать деньги.

Квартиру она купила сама. Сама обставила. Наняв прислугу, обучила домашней работе, готовке, а сама постоянно работала на машинке. Время рождения ребёнка приближалось. Отношения их оставались прохладными.

И вот однажды ночью Анна разбудила Шамси. Она всеми силами сдерживала себя, чтобы не кричать, и велела сходить за акушеркой, которая живёт на такой-то улице, в таком-то доме.

Шамси в большой тревоге разбудил прислугу и помчался за акушеркой. Вернувшись и взглянув на Анну, он пришёл в ужас, увидев на её лице нечеловеческие страдания.

– Вы здесь не нужны, – сказала ему акушерка, и он, обеспокоенный, полный подозрительности, вышел. Шамси долго бродил по городу и не мог дождаться рассвета. Зайдя в извозчицкий трактир, выпил чаю. Это не успокоило его, и он пошёл домой. Анну он застал во время сильнейшей схватки. Акушерка была им недовольна. Велев прислуге в случае чего звонить ему в магазин, он вышел. До обеда никаких звонков не было, и встревоженный Шамси снова примчался на извозчике. Анна была очень плоха, и ничего пока не произошло. Он снова велел прислуге звонить ему из аптеки. У себя в магазине сидел, не спуская с телефона глаз. Звонок был в три часа. Всё ещё ничего не произошло. В половине пятого позвонила акушерка и сказала:

– Дела плохи. Доктора вызывать будем?

– Зовите, зовите!.. Надо будет, позовите и второго.

Снова тишина. Через полчаса раздался звонок.

– Анна Васильевна зовёт вас.

Шамси прилетел, всю дорогу погоняя кучера. Дома – полный беспорядок, почему-то стало холодно. По всей квартире распространился едкий запах лекарства, который вызывал в носу жжение.

В комнате Шамси доктор-еврей в белом халате что-то писал.

Шамси быстро скинул одежду.

– Как наши дела, доктор?

– Плохо, очень плохо... Надежды очень мало. Вот пишу записку своему товарищу. Без операции здесь не обойдётся. Сколько лет вашей жене?

Шамси оторопел. В самом деле, сколько же ей? И сказал, чтобы не молчать:

– Двадцать шесть.

– Да, да, – сказал доктор, продолжая писать, – первый ребёнок в двадцать шесть лет – это тяжело.

Пришла акушерка. Вид у неё был измученный. От неё чем-то резко пахло. Она что-то сказала доктору по-латыни и обратилась к Шамси:

– Идите к ней. Долго не говорите.

Шамси вошёл в комнату. Анна лежала, вытянувшись на кровати. Она подняла глаза и тихим голосом сказала:

– Иди сюда.

Шамси пошёл к ней. Запахи с каждым шагом усиливались, ноги дрожали, его охватил страх, сердце наполнилось жалостью, глаза смотрели с нежностью. Он тихонько встал возле кровати.

– Садись, – сказала она и показала рукой. Он сел на пол.

– Как ты? – спросил.

Анна, не отвечая, тихо погладила его по голове. Легонько похлопала пальцами. Шамси почувствовал не только движение её пальцев, но и дрожь в них. Анна повернула его лицо к себе, посмотрела долгим взглядом, потом сказала:

– Шамси, прости меня, я любила тебя.

Она притихла. Слово, произнесённое ею, он слышал много раз. Но теперь оно, словно острый нож, пронзив одежду, вошло в самое сердце. Кровь, вытекая из раны, казалось, сладко пьянила и одновременно наполняла его горечью

Анна продолжила:

– Я умираю... Когда умру, напиши маме... Она приедет, отдай ей все мои вещи. А это кольцо носи сам. – И она, тихонько сняв с пальца кольцо с камнем, отдала ему.

Глаза Шамси наполнились слезами. В горле застряло что-то. Стараясь удержать рыдания, он сказал:

– Прости, Анна, в последнее время я заставил тебя страдать...

Вместо ответа Анна нежно потрепала его по голове. Лицо её чуть-чуть тронула улыбка.

Акушерка подтолкнула Шамси в спину. Он встал и поцеловал Анну в лоб. Пожал ей руку:

– Поправляйся, Анна, – сказал он. Ему показалось, что он сделал не всё. Взяв руку Анны, которой она помахала ему, он поцеловал её.

Не успел он выйти, как Анна закричала от боли. Начались схватки. Доктор сказал:

– Вам лучше уйти. Вы будете мешать. Уйдите, прошу вас.

На лестнице Шамси встретились старый поп и дьякон в поношенной одежде. Они что-то несли в руках, то ли иконы, то ли кресты. Остановились возле его двери.

«Да, Анна умрёт. Эти двое идут, чтобы проводить её на тот свет, чтобы встретить его ребёнка».

Не понимая, что делает, он ускорил шаги и побежал прочь.

* * *

Шамси понадобилось срочно ехать в Туркестан по важному делу. Он отправился туда, не ведая, осталась ли Анна в живых, будет ли жить его ребёнок. Работы было много, дело оказалось запутанным, пришлось ездить из города в город. Ознакомился с азиатскими базарами. Выяснил, сколько тратится средств. Из мест, где приходилось бывать, он посылал Анне коротенькие открытки, однако в городах, куда направлялся, его ждали от неё длинные послания, полные любви. Сначала она извещала его о состоянии своего здоровья, о том, что идёт на поправку, что ребёнок в полном порядке. Но постепенно сообщения о здоровье исчезли, и письма заполнились тоской по нему. А под конец она писала исключительно о том, как любит его. Простые, бесхитростные признания волновали его и радовали.

В Туркестане началась жара. Анна тоже писала о том, что в Петербурге лето, что недалеко от железной дороги, в 25 минутах ходьбы, она сняла дачу, что с нетерпением ждёт его. То ли утомила его кочевая жизнь, то ли сказывалось отсутствие женщины, только Шамси всем сердцем начал скучать по Петербургу, по его культурным удобствам. В особенности сообщение о даче воскресило воспоминания о прежнем отдыхе в Финляндии. Всё это манило и влекло его. Неустроенность жизни в номере заставила скучать по уютному их жилищу. Чумазый самовар, грубость слуги возбуждали тоску по приветливости Анны, по вкусной еде, которую она готовила. Ужасные мешки, в которые были засунуты местные женщины, усиливали тоску по Анне, которая умела одеваться со вкусом, носила лёгкие одежды из тонкой ткани. Он искренне скучал и мечтал о возвращении. Существовала ещё одна причина, о которой нельзя было говорить: хотелось ему увидеть существо, которое лишило их свободы, – ребёнка, белобрысое русское создание.

О своей тоске он написал Анне и получил в ответ послания, полные огня.

Выбраться удалось лишь в конце мая. В начале июня он был дома. Анна встретила его так, словно он был даром небес. Она окружила его любовью и заботой, словно он был ребёнком. И любила так, словно в последний раз в жизни.

Шамси зажил красивой, тёплой, полной жизнью. За неделю отпуска он снова превратился в того избалованного, ленивого бездельника, каким был в башкирском кантоне. И ребёнок – тот самый «белобрысый русский» – вовсе не вызывал в нём отчуждения. И оказался он не белобрысым, а черноволосым и, похоже, лицо у него со временем будет круглое. Только нос и губы от матери. А когда смеётся, становится копией его племянницы, дочери старшего брата. Шамси постепенно привязался к девочке, в нём проснулось какое-то неизведанное до сих пор чувство. Вместо враждебности появилось нечто, похожее на

жалость или вроде того. Со временем он стал брать ребёнка на руки и ласкать. Всё пришло в естественное состояние.

Этим летом Анна сильно изменилась и стала ближе. То ли любила больше прежнего. Все силы отдавала она заботам о нём, делала всё, лишь бы ему было хорошо. Теперь она не перечила, как прежде. Лишь один раз, когда надо было ехать на Макарьевскую ярмарку, сокрушалась, что не сможет сопровождать его, хотя ей якобы очень-очень хочется.

– Смотри же, – наставляла его, провожая, – пиши каждый день! – И не могла скрыть слёзы.

Она забросала его длинными письмами, где подробно сообщала о здоровье Сары.

Зимой жизнь текла привычно. Вот только верующая мать Анны, приехав к ним на Рождество, повесила в зале крест и каждый день зажигала свечу. Видя его кислую физиономию, крест с отъездом матери Анна не убрала, зато свечу не зажигала. Боясь огорчить его, она не стала крестить дочку.

Нынче в поведении Анны появилась перемена. Ей теперь не нравилось, когда Шамси уходил куда-нибудь без неё. Во время постановок татарского театра она в обязательном порядке сопровождала его и там, как раньше, одного не оставляла. Когда он заговаривал о женитьбе, она не скрывала, что слышать это ей неприятно. Порой она заводила речь о никахе, считая, что отношения их, хотя бы ради ребёнка, якобы следует узаконить. Нужно ехать в Стамбул или здесь поискать возможные пути. Шамси до сих пор не считал их жизнь семейной, но ощущать себя женихом перестал. При встречах на меджлисах, при общении с девушками и джигитами разговоров о женитьбе и любви избегал. А когда речь заходила о никахе, он, как бы говоря: вы же знаете, как обстоят мои дела, уходил в сторону. С приятелями он хотя и не откровенничал о своей семейной жизни, но и существования её не скрывал.

Дождавшись наступления праздника, Анна стала настойчиво интересоваться:

– Почему к тебе гости не приходят?

Она научилась где-то готовить татарские блюда. Одевшись по-праздничному, встретила Шамси, который возвращался с приятелями после визитов по случаю праздника, и привела их к себе домой. Назвавшись польской мусульманкой, поздравила всех и вывела к ним дочку в праздничном наряде. В следующий раз сама пошла с поздравлениями к близким и друзьям Шамси. Как-то к возвращению Шамси пригласила по телефону хазрата. И в клубе «Шарык» открыто выдавала себя за жену Шамси. Знакомилась с людьми, общалась, высказывала свои суждения в общем разговоре. Забеременев во второй раз, она уже не сочла нужным докладывать Шамси. Лишь когда он сам увидел, сказала:

– Мне очень хочется, чтобы у нас был сын, похожий на тебя.

Шло время. Если раньше люди шёпотом передавали сплетни о русской семье Шамси, то теперь стали говорить открыто. Они осуждали, жалели и в конце концов привыкли. Большинство знакомых женатым его не считали и вместе с женой никогда не звали. Молодёжь, приятели как-то стеснялись приглашать его на свои общественные собрания. Не звали даже на дружеские вечеринки. Почувствовав такое отношение, он и сам не очень-то рвался к ним, словно стесняясь чего-то. Не ходил и туда, где собиралось много людей. Когда родилась вторая дочь, он сказал:

– Аллах даст, будет в религии послабление, и я всех вас сделаю мусульманками. Вот только накоплю побольше денег и съезжу в Стамбул, запишу вас. А когда подрастёте, найму учительницу, получите мусульманское воспитание.

Так утешал он себя, но сомнение, сидевшее где-то в глубине души, лишало уверенности, и он впадал в уныние. Не было у него советчиков, и помочь было некому, поэтому он часто молился, обращаясь за помощью к Аллаху, и из глаз его сочились слёзы.

Отношение Анны не менялось, он всё ещё был дорог ей и оставался единственным смыслом её жизни. Анна заботилась о том, чтобы жизнь его ничто не омрачало. Однако на душе у неё покоя не было, она всё ещё боялась потерять его. Уверенности в будущем тоже не было, сомнения подтачивали её силы. Чтобы сберечь своё счастье, она стала часто вспоминать о Боге, тайком от Шамси ходила в церковь и молилась там, осеняя себя крестным знамением. Русские женщины говорили ей:

– Если не покрестишь детей, не будет им счастья.

Она не очень-то верила им, но на всякий случай, в тайне от Шамси, решила последовать совету. Анна семь лет не была у попа, а теперь пошла каяться. Она не верила в его запугивания муками ада, но он сказал, что Господь простит её лишь в том случае, если воспитает детей христианами, и Анна по большим праздникам стала водить девочек в церковь. Хотя в присутствии отца креститься перед едой не приучала, зато, укладывая спать, крестила их.

Шамси хотел, чтобы дети знали татарский язык и старался говорить с ними, но он слишком долго пропадал в магазине, летом на месяц, а то и на два уезжал на ярмарку, зимой два месяца проводил в Туркестане или Сибири, а потому проку от того было мало. Дети только и усвоили что: «аний*», «атий**» да «агузе бисмилла***». Но Шамси всё ещё надеялся воспитать их мусульманками. Думая, что они не крещены, он не оставлял мысли обратить их в ислам.

Однажды ему срочно понадобилось ехать по делу в Москву, и он поспешил из магазина домой. В такое время он дома никогда не появлялся. В трамвай не попал, пришлось идти пешком. На зелёном рынке купил по пути яблок и арбуз, собираясь перед отъездом пообедать с детьми. Дорога его шла мимо церкви, которая находилась недалеко от дома. Он шёл по противоположной стороне улицы, но смотрел почему-то на церковь, из которой выходили старики, старухи, толстые женщины, дети. Народу было немного. Вдруг он почувствовал, как тело его обдало холодом. В дверях церкви появилась Анна, которая вела за руки двух дочерей. Сама она была одета просто, а девочек нарядила в белые с иголочки платьица, в шляпки с белыми лентами, белые чулочки и маленькие жёлтые башмачки. Шамси не верил глазам, всмотрелся получше и опять не поверил. Вот Анна повернулась к дверям, дети повернулись вслед за ней. Анна, подняв руку, не спеша, перекрестилась. Девочки тоже принялись креститься. Маленькие ручки поднимались и опускались.

В Шамси будто вселился злой дух. Ему хотелось подбежать и вырвать детей из рук Анны, а её сбить с ног и растоптать. Но что-то удерживало его. Он захлебнулся слезами, ноги будто приросли к земле. Судорогой свело не только тело, но и душу. Какая-то сила гнала его прочь от того места, где его (!) дети покрывали себя крестными знамениями. Он повернулся и бросился бежать, не понимая, что делает, унося яблоки с арбузом с собой. Забежал в Петровский парк и промчался по нему из конца в конец. Не зная, куда деть себя, сел на пароход. Выйдя из него, побежал по Невскому проспекту, не расставаясь с фруктами. В московский поезд сел без багажа, без постели. Очень долго с непокрытой головой ехал на подножке вагона. Наконец к нему вернулась способность соображать.

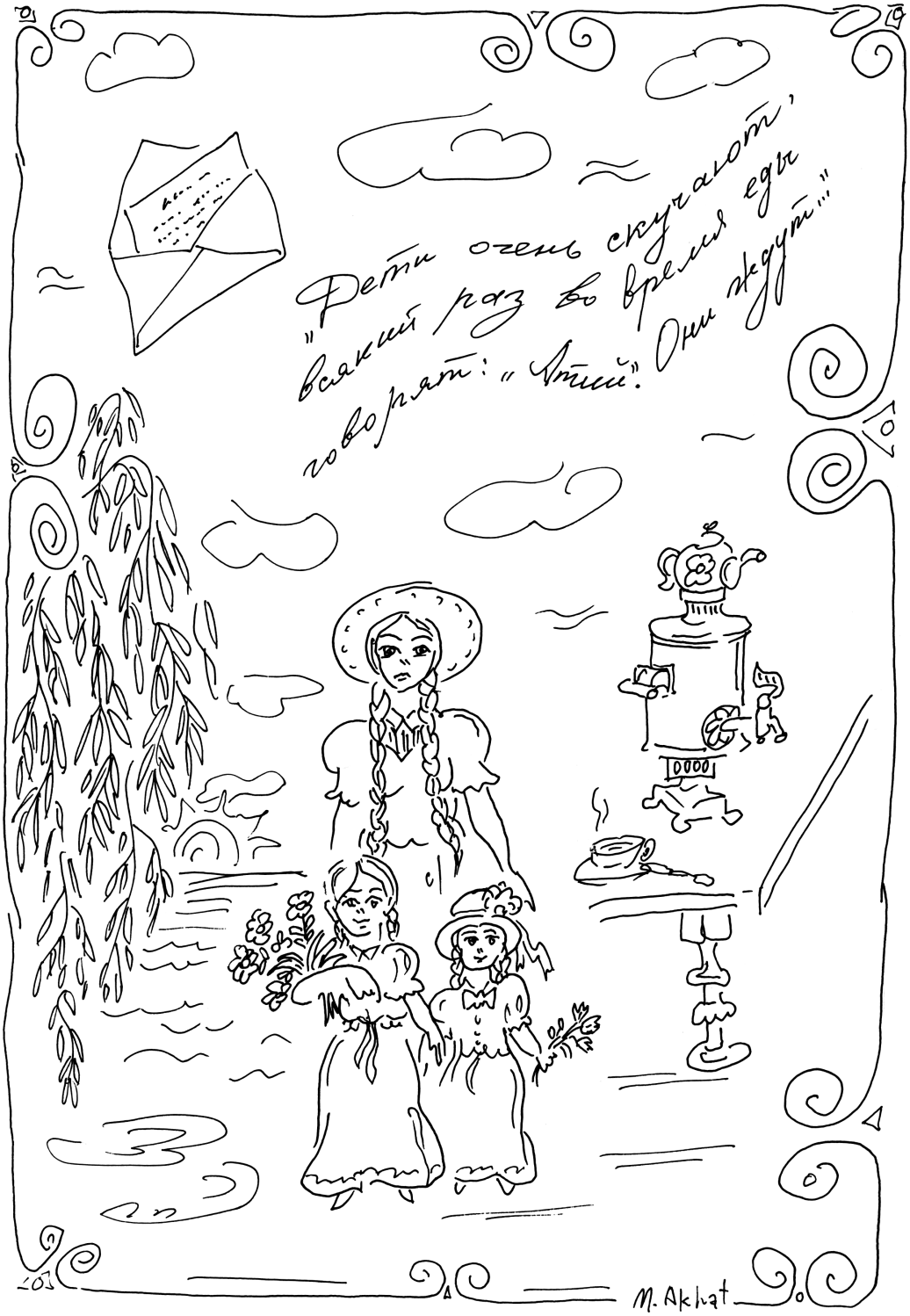
– Ну да, – говорил он себе, – случилось то, что и должно было случиться. Я своими глазами видел, как Анна выходила из церкви, как крестились дети. Мои дети!

Слёзы капали из его глаз. Сердце кололо, ныла душа, ум никак не мог отойти от потрясения.

В Москве он тотчас написал Анне. В письме решительно заявил, что после того, что увидел, расстаётся с ней навсегда. Пусть забирает деньги, поло-

---

*** Аний *(тат.)* – мама.**
**** Атий *(тат.)* – папа.**
***** Агузе бисммилла *(тат.)* – слова молитвы.**


„Феи очень скучают,
всякий раз во время еды
говорят: „Этим". Они ждут"
M. Akhat

женные на сберегательный билет, он ежемесячно будет давать ещё.

Управившись с делами московских хозяев, он, сославшись на то, что умирает отец, уехал в аул. Дорогой убеждал себя, что с прошлым надо покончить раз и навсегда. Как только приеду, думал он, начну искать подходящую невесту – хорошенькую учительницу или дочку муллы.

* * *

В ауле ему полегчало. Всё ему здесь нравилось. Пятничные молебны в тесноте мечети при спёртом воздухе были дороги. Умиление вызывали даже грязный чапан деревенского муллы и его лоснящиеся сапоги, о которые он вытирал жирные ладони. Был на кладбище, заказал хазрату молебен в память о своих дедах и бабушках. Возле дальнего родника Гайникамал-остазбики принёс в жертву барана, а шкуру отдал хазратам.

Отца с матерью порадовал известием:

– Приехал жениться. – И стал расспрашивать, какая у муллы соседнего аула дочка и какая учительница. С тем, что было, покончено. Пришла пора остепениться. К Анне я не вернусь, а уж если женюсь, дорога к ней будет мне точно заказана. Да, да, так и есть.

Чтобы укрепиться в своём решении, пошёл советоваться к мулле. Тот благословил его. Мать с помощью Аллаха отправил в соседний аул сватать дочь тамошнего муллы. Ответ получил не сразу, пришлось повременить. На душе отчего-то стало неспокойно.

Неряшливость жены брата была отвратительна ему. Подстилка, на которую уложили его спать, пропахла детской мочой. Запах всю ночь не давал уснуть. Еда была невкусной. Речи отца и матери лишены всякого смысла. Ему было противно слушать, как брат ругался с женой, какими гадкими словами крыли они друг друга. Всё это породило в нём тоску. Изо дня в день он чувствовал, как зрело в нём раздражение. Душа просила чего-то другого.

Он утешал себя: всё оттого, что он до сих пор не женат. Вот женится на дочери муллы, сыграют свадьбу, и всё уладится. Заживут на славу.

Дочь муллы он почему-то сравнивал всё время с Анной, и казалось ему, что станет относиться к ней так же, как к Анне... Нет, нет, Анну он уже забыл, совсем забыл. Пути их разошлись, совершенно разошлись. Вот теперь она подаст на него в суд, чтобы кормил её детей. Станет наговаривать на него, врать.

Да, да... Что ж, пусть подаёт! Он всё равно поступит, как решил: к ней не вернётся.

Он каждый день ждал вызова на допрос. Услышав звон колокольчиков, думал, что явились за ним. Приехал староста.

– Ну вот, так и есть, за мной, – думал он, выходя на крыльцо.

– Из волости бумага на ваше имя поступила. Велели передать. Я даже роспись свою поставил.

Вот он, вызов!

Шамси взял в руки довольно большой пакет. «Вскрыть, что ли, или не стоит? Отправлю как есть», – думал он.

Он вскрыл пакет, из него выпала фотография, на которой Анна и дочки по сторонам.

До чего же хороши его девочки! Глаза, личики похожи друг на друга и на дочку брата тоже. Только они опрятны, изящны, одежда на них красивая. Белые платьица, шляпки с лентами, на ногах башмачки... Анна радуется чему-то, улыбается, весёлые глаза её смотрят прямо на Шамси. Нет и тени недовольства. Да, хорошая она женщина... Настоящая. Если бы не была русской, я, конечно, женился бы только на ней... А теперь женюсь на дочери муллы...

Он не спеша принялся читать. Ласковые, приветливые слова, мягкие словосплетения постепенно, словно тенёта, затягивали его. Он проникался настроем Анны. «Дети очень скучают, всякий раз во время еды говорят: «Атий». Они ждут. Сара долго не принимается за еду. Когда видит плачущую маму, похоже, догадывается о чём-то. Портной

принёс новую твою одежду. Что делать? Отправить тебе или подождать, когда сам заберёшь? Я не обижаюсь на тебя и ни в чём не упрекаю...

– Сынок, радуйся! Мулла согласен выдать за тебя дочку. Говорит: «Пусть Шамсетдин сам приедет, буду беседовать с ним».

О чём беседовать-то? Ах да, он же сваху посылал. Он же бросил Анну. Бросил. Он опять стал джигитом и опять женится. То есть не опять, а впервые. Будут кони с колокольчиками, будет свадьба. Он устроит хорошую свадьбу... Он женится... Надо ехать, надо.

– Когда поедешь-то, сынок, завтра или позже?

– Поедем, поедем...

Лица детей не покидали его воображения. Он видел улыбающуюся Анну и вдруг вспомнил, как брат с женой били и проклинали детей за то, что те без спросу взяли картошку. «На, жри, прорва! – орали они. – Чтобы подавиться тебе той картошкой!»

– Неужели и с его детьми так же будут обращаться? Нет, он этого не допустит!..

Обед снова был невкусен. Старики опять болтали глупости. Тоска. Рубаха, выстиранная снохой, воняла мылом. Он ходил на кладбище, читал Коран, но легче ему не стало. Ночью не мог уснуть, бредил дочками и Анной. Утром отец сказал:

– Сынок, надо бы ехать. Они – уважаемые люди. Я тарантас промазал.

Мать готовила гостинцы. Достав вонючий катык, ставило тесто.

После обеда из волости снова доставили письмо: «Сара заболела, из дома не выходит... Она очень похудела. Говорит: «Я поправлюсь, когда придёт папа...» Я здорова. Когда вернёшься?»

«Что за вопрос?! Я вовсе и не собираюсь возвращаться! Я же решил: женюсь!..»

Мысли путались в голове. Хотя он и не признавался себе, его мучила тоска по детям, по Анне. Хотелось видеть их, хотелось сидеть рядом. Он часто доставал фотографию и смотрел.

– Сынок, завтра надо будет ехать, позже никак нельзя. Мулла ждёт тебя...

«Ну ладно, женюсь я. И что же, должен буду говорить девушке, что люблю её?.. Ну да... Я должен буду обеспечить её спокойной богатой жизнью, семьёй... Должен буду безраздельно принадлежать ей... Так, что ли? Ну да, получается, что так. Эту фотографию я должен буду порвать и выкинуть? А если не выкину? Ведь она всё равно не увидит её. Ну да, не увидит... Анну забуду... Но если жена окажется такой же грязнулей, как сноха? Такой же грубой и злой? Нет, его жена должна быть, как Анна, – умелой и чистоплотной. Я буду любить её, как любил Анну. А разве я любил Анну? Нет, нет... Это было просто так».

В отношении Анны его всегда угнетало сомнение. Он снова взглянул на фотографию. «Ах, до чего же хороши! Среди наших татарских девушек, уверен, таких нет!» И всё же он возьмёт себе другую.

Мать ночь напролёт возилась с тестом. Постель по-прежнему воняла. Сноха с братом снова били детей. Шамси наконец задремал. Ему снилась Анна, дети. С ними какая-то женщина, закутанная в шаль, спрашивает:

– Это чьи дети?

– Это, туташ, мои дети. Да, мои. И ты тоже моя.

Шамси будто любит обеих.

Котёнок прыгнул ему на голову, потом на печь. Шамси испуганно очнулся и прошептал: «Анна». Глаза широко раскрылись. И вдруг его схватило страстное, безумное желание видеть Анну. Он спросил себя: «Да как же ты, эфенде, всей душой любя одну женщину, собираешься взять другую, совершенно незнакомую тебе и нелюбимую?» И ответил: «Я хочу спасти себя, создать татарскую семью». Ответ прозвучал неубедительно. Сердце молчало. Он закрыл глаза. И опять перед ним предстали Анна и дети.

– Сынок, пирожки у мамы получились очень удачные. Съезди, сынок. Потом свадьбу сыграем.

Шамси снова сходил на кладбище.

Потом послушно сел в тарантас. На козлы посадили старшего сына брата, парнишку четырнадцати лет. Приближаясь к аулу, он снова вынул фотографию. Ему показалось, что дети плачут и Анна смотрит печально. Поехали по деревенской улице. Шамси, пока ехали, был полон сомнения: «Заезжать или не заезжать в дом невесты?» Но возле самого дома решительно сказал:

– Гони мимо!

Парнишка вопросительно уставился на него.

– Не надо к мулле, дальше поехали!

Они выбрались из аула и погнали лошадь на станцию. Там, зайдя в русский дом, попили чаю со стряпнёй матери. Увидев поезд, Шамси дал племяннику денег, сказав:

– Вот, купи себе новую тюбетейку.

И, сев в поезд, укатил в Петербург.

* * *

Анна встретила Шамси так, словно между ними ничего не было. Она стала ухаживать за ним больше прежнего, снова отдавала все силы, чтобы жизнь его превратить в сплошное блаженство. Сообщив, что у них родится ещё ребёнок, добавила:

– Будет мальчик, я видела сон.

– Да, неплохо бы иметь сына. Я всех троих повезу в Стамбул и дам им мусульманское воспитание. Поговаривают, что в религии у нас ожидаются перемены, наступит свобода.

Жизнь потекла по прежнему руслу. Он вернулся к прежним занятиям. Надежда на послабление в законах ислама не покидала его.

Так и жили. Дни проходили за днями, прошёл год. Родился мальчик, потом девочка. А он продолжал уповать на добрые перемены в вере. Разузнал, как в Стамбуле получают мусульманское воспитание. Оставалось лишь подкопить побольше денег.

– Да, я повезу их в Стамбул. Вот только подрастут немного, а там, глядишь, и реформа подоспеет. Всё будет, будет...

1916

Перевод с татарского
Азалии Килеевой-Бадюгиной